

— Заходите в дом, не волнуйтесь, — поспешно пригласил Вэнь Жунь старика внутрь. — Подайте чай, сухофрукты, сладости! Не торопитесь, дядя Чжан.

Увидев, как Вэнь Жунь так заботливо его успокаивает, дядя Чжан наконец перестал метаться.

Когда старик уселся на кан, Чэнь Сюй тут же подал горячий чай и принёс тарелку с сушёными фруктами и пирожными. Даже обувь старосты аккуратно поставил под кан.

— Выпейте горячего чаю, приходите в себя, — снова мягко сказал Вэнь Жунь.

— Ах, хорошо, хорошо... — дядя Чжан сделал глоток чая, съел кусочек финикового пирожка, и тёплая обстановка позволила ему наконец перевести дух. — Ах, даже говорить не хочется... Несколько дней назад я поехал в уездный центр — и всё это время не мог вернуться!

— Не могли вернуться? Только сейчас приехали? — удивился Вэнь Жунь. Он помнил, как дядя Чжан тогда сказал: «Послезавтра поеду в город». С тех пор прошло уже несколько дней!

И правда — только сейчас вернулся?

Ведь дядя Чжан редко ездил в город: во-первых, боялся побеспокоить старшего сына, а во-вторых, у него и дома дел хватало. Да и в Ляньхуаао, хоть деревня и маленькая, иногда случались мелкие стычки — конечно, пустяки, но всё равно требовали вмешательства старосты.

Ведь в деревне, кроме Вэнь Жуня, самым уважаемым человеком был именно он.

К тому же в Ляньхуаао не было пожилых, авторитетных старейшин, поэтому совета сянляо здесь не существовало.

Всё лежало на нём одном — неудивительно, что он чувствовал себя одиноко и перегружено.

А сейчас ещё и весенний посев: надо откормить скотину, починить и наточить сельхозинвентарь...

Дел — невпроворот! Без крайней нужды он бы ни за что не поехал в город и не задержался бы там надолго.

— Да, только сегодня вернулся, — вздохнул дядя Чжан. — В первый день я пришёл с другими старостами к уездной управе и ждал у ворот... но нас так и не пустили. Сказали: «Приходите завтра». Я подумал, что туда-сюда ходить — только время терять, и заночевал у старшего сына.

У старшего сына в городе был небольшой домик, где жили его жена и младший сын. Сам старший сын, Чжан Лин, оставался в Ляньхуаао.

— У них я и переночевал. Наутро невестка, такая заботливая, купила мне жареных пончиков, даже заказала немного «югоуцзы» (сладких жареных пирожков), чтобы я привёз их обратно для своей жены. Но после завтрака я снова пошёл к управе... и простоял там до самого полудня! В обед нам дали поесть — большая миска белого риса, черпак мясного бульона, два кусочка мяса и одно солёное яйцо. И всё это — стоя! А к вечеру, когда солнце уже садилось, нас просто отпустили домой!

— Что?! — Вэнь Жунь опешил. — Зачем тогда вообще звали? Чтобы заставили стоять у ворот? Это что — караульная служба или наказание?

— Мы и сами не поняли, — продолжал дядя Чжан. — На следующий день мы уже не хотели идти, но из управы прислали гонца: мол, «во второй половине дня приходите — будете встречаться с уездным начальником. На этот раз без Ли, заместителя». Получив такое известие, мы после обеда снова пошли. На сей раз нас пустили внутрь, усадили в боковом зале, подали чай, сладости, сухофрукты... Но сидели мы там целый день без дела! Только под вечер нам сказали: «Управа перегружена, господин начальник не успел принять вас. Приносим извинения». И велели прийти на следующее утро...

Вэнь Жунь совсем растерялся:

— Так это что — насмеваются? Гоняют людей, как собак?

— Тогда мы тоже ничего не понимали, — кивнул дядя Чжан. — Но на третий день я снова рано встал, позавтракал и пошёл. На этот раз нас быстро впустили. И вот в зале уездного начальника, перед всеми нами — старостами, старейшинами совета сянлао, главами знатных семей и богатыми купцами — господин Синь объявил приказ: «Окружить резиденцию рода Ли!» Оказалось, ещё два дня назад он тайно вызвал триста солдат из уездного центра провинции. И в тот самый момент, пока мы сидели в зале, солдаты уже... полностью уничтожили клан Ли!

— А сам Ли, заместитель уездного начальника... что с ним? — спросил Вэнь Жунь, даже не скрывая, что совершенно не удивлён.

— Ты почему вообще не удивляешься? — дядя Чжан нахмурился. — Ты что, заранее знал? Или предвидел?

— Брат Южань, то есть Сюй Юй, старший сын семьи Сюй, как-то упоминал, что их семья даже думала породниться с Ли, — спокойно ответил Вэнь Жунь. — Но я тогда подумал: семья Ли слишком самонадеянна. Да, у них много родни, но и пороков — не меньше. Не скажу, что они великие злодеи, но мелких подлостей хватает: постоянно кого-то обманывают, пользуются чужой добротой, никогда не упускают выгоды. У такой семьи полно «слабых мест» — тяни за любое, и всё рухнет. А сам Ли? При прежнем уездном начальнике он уже «слушал приказы, но

не являлся по вызову». Говорят, и при предыдущем тоже так было. Такой человек на местах — просто беда. Теперь его убрали — и это совершенно логично.

Ли просто не видел реальности.

— Да... Всего за полдня род Ли исчез, — вздохнул дядя Чжан. — Говорят, приказ отдал сам префект! Ты ведь мне как-то говорил: «Уездный начальник разоряет дом, префект — уничтожает род». Так и вышло! Правда, никого не казнили, но весь род Ли — мужчины, женщины, старики, дети — всех отправили в ссылку. В тот же вечер их, как скотину, связали верёвками и увели. Даже одежду взять не дали! Жена Ли рыдала навзрыд. А его служанки — те, что числились наложницами, — на самом деле были просто рабынями. Он их всех использовал, и у нескольких даже дети от него были... Так вот, всех их продали в рабство — не здесь, а в уездном центре провинции... Ах, жалко, конечно! Но разве не сам виноват?

Он сделал глоток горячего чая и продолжил:

— Ты не представляешь, как мы дрожали! Стояли на улице и всё это видели... Утром ещё обедали в управе, а днём — такое! После этого, когда уездный начальник заговорил, никто не посмел возразить. Даже глава рода Вэнь, их староста и старейшина — все молчали, только кивали! Ццц!

— «Убить курицу, чтобы припугнуть обезьян» — отличный ход! — Вэнь Жунь тоже трижды цокнул языком: — Ццц!

— Именно! — кивнул дядя Чжан. — Мы так перепугались, что только и делали, что кивали. И тут уездный начальник объявил: он проверил бухгалтерию и выяснил, что Ли присвоил не меньше десяти тысяч лянов серебра и десяти тысяч данов зерна! А ещё — сколько зла творил род Ли, и всё это Ли прикрывал. Настоящий вредитель! Велел нам взять пример и не повторять его ошибок. Я запомнил только это — от страха голова кругом пошла. Но потом он вдруг сменил тон и сказал, что есть для нас государственное поручение.

— Государственное поручение? — Вэнь Жунь нахмурился. — Какая бы то ни была повинность — до Ляньхуааа она не дойдёт.

— Да, но это поручение... особое, — сказал дядя Чжан. — Нужно доставить продовольствие в лагерь Шаньнань.

— Лагерь Шаньнань? — Вэнь Жунь не знал подробностей об этом военном лагере.

Он лишь знал, что Ван Цзюнь пошёл в армию и теперь командует небольшой группой солдат — что-то вроде «старшего» или «сержанта» в его прошлой жизни.

— Лагерь Шаньнань находится к югу от этих гор, — пояснил дядя Чжан. — Там стоит пятьдесят

тысяч солдат и ещё двадцать тысяч обслуживающего персонала. Раньше они стояли на другом берегу реки, но когда здесь усилились разбои, перевели сюда — чтобы удобнее было бороться с бандитами. Изначально войск было меньше — передовой отряд в десять тысяч человек. Но во время карательной операции они потеряли семь тысяч убитыми и ещё две тысячи ранеными! Императорский двор пришёл в ярость и прислал подкрепление, которое полностью уничтожило бандитов. Однако те, кто выжил, снова подняли голову... В те годы здесь царил настоящая смута! Именно тогда погибли родители Ван Цзюня, да и многие другие тоже... Потом немного успокоилось, но бандиты скрылись в горах — их стало почти невозможно поймать. Пришлось окружать горы войсками. Но бандиты отлично знали местность и даже сумели дать отпор армии! В итоге командование начало набирать местных — тех, кто знал горные тропы. Так Ван Цзюнь и попал в армию... В этом году, наконец, начали добиваться успехов. Казалось, вот-вот полностью истребят бандитов... Но не хватает продовольствия! В уездной казне зерна мало, поэтому пришлось собирать его по всему уезду и отправлять в лагерь.

— Собирать продовольствие именно сейчас? — Вэнь Жунь нахмурился ещё сильнее. — В самый «голодный месяц»?

В древности урожайность была низкой, и если крестьяне хоть как-то держались на плаву — это уже считалось хорошей жизнью. Запасов у них почти не было, особенно в этот период между урожаями.

Ведь Вэнь Жунь только в прошлом году освободил всю деревню Ляньхуаао от поставок зерна!

— Мы тоже так сказали, — кивнул дядя Чжан, — но уездный начальник заявил, что несколько богатых семей имеют излишки. Управа будет закупать зерно по рыночной цене, плюс добавит запасы из своей казны — хватит. И ещё сказал, что полгода назад уже послал людей, чтобы всё проверить...

— Полгода назад?! — Вэнь Жунь удивился. — Так давно?!

Предыдущий уездный начальник уехал ещё до «малого Нового года»... А этот уже полгода назад прислал разведчиков?

Что это значит?

Это значит, что он заранее знал, что будет назначен сюда! И ещё раньше отправил людей на разведку.

Судя по дорогам и скорости передвижения, он начал собирать команду и отправлять людей сюда как минимум за год до своего прибытия.

Семья Синя приехала открыто, по «официальной дороге», а остальные — по «тайным тропам». Как только началась операция здесь — там всё уже было готово.

— Вот именно! — дядя Чжан причмокнул. — Все тогда занервничали: сбор зерна — дело серьёзное, особенно сейчас! А ведь брать будут с каждой семьи... Что же есть останется?

Вэнь Жунь вспомнил свои запасы:

— Сколько с каждой семьи требуют?

— Минимум двадцать цзинь зерна, — ответил дядя Чжан. — В уезде больше десяти тысяч семей — это двести тысяч цзинь! Немало.

— И с нас тоже возьмут? — Вэнь Жунь знал, что в их деревне есть немного запасов, но не больше ста-ста двадцати цзинь на семью — и то это должно хватить до осеннего урожая.

В семьях с малым числом людей ещё можно было выжить, но в больших семьях с наступлением весны приходилось ходить в горы за дикими травами и ловить рыбу с креветками, чтобы хоть как-то прокормиться.

Многие семьи теперь позволяли себе тратить лишь одну миску риса в день... или даже полмиски.

Вэнь Жунь на самом деле не нуждался в таком количестве помощников для строительства школы, но он радушно принимал всех, кто приходил, и кормил их щедро — мясом и рыбой, лишь бы наелись досыта.

Пусть хоть немного жиру наберут в животе!

Если бы с каждой семьи действительно забрали по двадцать цзинь зерна, это, конечно, не привело бы к голодной смерти... Но и не мало: народу стало бы ещё тяжелее. Раньше хоть разбавленную кашу варили, а теперь, глядишь, останется только прозрачный рисовый отвар.

— Берут по двадцать цзинь с семьи, — вздыхал дядя Чжан, — и я должен лично повезти всё это в лагерь.

Сбор зерна — дело хлопотное и неблагодарное.

— Подождите, у нас в деревне мало семей, — задумчиво произнёс Вэнь Жунь, почесав подбородок. — Всего двадцать с лишним домов. Даже если по двадцать цзинь с каждой — максимум шестьсот цзинь.

— Да, — кивнул дядя Чжан, арифметикой он не блистал, но цифра казалась верной — скорее всего, именно шестьсот, а то и больше.

— Эти шестьсот цзинь я возьму на себя, — решительно заявил Вэнь Жунь. — Пусть люди не голодают.

И так мало зерна, а теперь ещё и отбирают — деревенские совсем измучаются.

— Ты сам заплатишь? — дядя Чжан изумился. — Твоя семья... Ах да, у тебя и правда есть такие запасы! Но... если отдашь столько, у тебя самого хватит?

— Думаю, да, — спокойно ответил Вэнь Жунь. — В прошлом году я запас полторы тысячи цзинь зерна. Если понадобится — после летнего урожая на юге куплю ещё. У меня связи хорошие, дороги открыты, денег хватает... Лучше я пострадаю, чем весь народ. Главное — чтобы все спокойно занялись весенним посевом.

Ведь весну нельзя упускать — «весь год зависит от весны»!

— Хорошо, раз ты так решил, — кивнул дядя Чжан, человек умный и благодарный. — Но слушай: к осени каждая семья отдаст тебе по тридцать цзинь зерна — как долг. Я за это ручаюсь.

— Отлично, — согласился Вэнь Жунь. Он прекрасно знал поговорку: «Поддай человеку рис на чашку — он тебе друг, подай на мешок — враг». Нельзя бесконечно отдавать, не ожидая ничего взамен.

Раз дядя Чжан сам предложил — пусть так и будет.

— Ах, теперь мне гораздо легче на душе! — облегчённо вздохнул староста. — Спасибо, что ты есть.

— Кстати, — добавил Вэнь Жунь, — скажи чиновникам, что наша деревня, хоть и обязана сдать меньше шестисот цзинь, решила поддержать государство, армию в борьбе с бандитами и нового уездного начальника — ведь это его первый указ! Поэтому мы добровольно собрали ровно шестьсот цзинь — и всё это — отборное зерно! Ни одного заплесневелого зёрнышка, ни гнилого, ни старого прошлогоднего. Раз уж отдаём — пусть знают, с каким усердием и преданностью Ляньхуаао поддерживает новую власть!

Если не воспользоваться моментом, чтобы проявить себя, то когда ещё?

— Верно! — дядя Чжан хлопнул себя по бедру. — Сейчас же всё подготовлю, завтра утром повезу!

Большой объём, ранняя сдача — их деревня точно будет первой в списке!

Проводив старосту, Вэнь Жунь открыл амбар. В нём хранилось только качественное зерно: шестьсот цзинь белого риса и тысяча цзинь неочищенного (грубого) риса.

Он не стал отдавать белый рис — велел выбрать шестьсот цзинь грубого. Хотя он и не такой вкусный, но его можно сразу варить — сытно и надёжно.

Шестеро работников уже поняли, что задумал хозяин.

— Господин, вы правда всё это отдадите? — спросил один из них. — Это же половина наших запасов!

— Отдам, — кивнул Вэнь Жунь. — Не волнуйтесь: к осени односельчане вернут мне даже больше — по десять цзинь сверху. Хе-хе... Сейчас ведь «голодный месяц» — эти двадцать цзинь спасут многих от голода.

Он посмотрел на мешки с зерном:

— Грузите на телегу и везите к дому старосты. Телегу не возвращайте — пусть он сам ею и повезёт зерно в город.

— Слушаем, господин! — отозвались Лю Сань и Чэн Лаосы. Вдвоём они запрягли двух лошадей и повезли два воза — по триста цзинь на каждом. Груз был немалый, телеги глубоко врезались в землю.

<http://bllate.org/book/15642/1398096>